

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ХУДОЖНИКѢ ЯБЛОЧКОВѢ.

Кто посѣщалъ выставки картинъ нашихъ художниковъ, тотъ не могъ не замѣтить бросающагося въ глаза однообразія въ направленіи ихъ дѣятельности и въ выборѣ самыхъ сюжетовъ творчества. Въ картинахъ большею частію преобладаетъ жанръ и пейзажъ. Полная глубокаго интереса жизнь цѣлаго особаго міра—міра птицъ и звѣрей—почти игнорируется нашими художниками. У нашихъ художниковъ пейзажъ рѣдко оживляется присутствіемъ животныхъ. Человѣкъ рѣдко изображается рядомъ и въ соотношеніи съ животными, хотя жизнь даетъ массу сюжетовъ въ этомъ родѣ, вѣсьма благодарныхъ для художника. Кромѣ Сверчкова, изображающаго мастерски лошадей, трудно назвать художниковъ, чьихъ картины изъ области животнаго царства заслуживали бы вниманія. Не беремся судить о причинахъ этого недостатка нашихъ художниковъ. Увлеченіе ли традиціей или тенденціей, а быть можетъ односторонность общаго образованія мѣшаютъ нашимъ художникамъ заняться воспроизведеніемъ и истолкованіемъ своеобразной жизни животныхъ. Указано было, что и въ воспроизведеніи излюбленнаго нашими художниками отдѣла они обнаруживаютъ недостаточное знакомство съ природой. Проф. Кайгородовъ, въ своемъ обзорѣ пришлогоднихъ выставокъ картинъ, напечат. въ „Нов. Врем.“, обратилъ вниманіе на то, что хотя пейзажъ и преобладаетъ въ нашей живописи, но художники плохо знаютъ растенія и изображаютъ ихъ недостаточно вѣрно. Правда, мы привыкли прощать художникамъ вольности, оправдывая ихъ субъективными требованіями чувства красо-

ты, ссылаясь, при случаѣ, на авторитетъ Пушкина, говорившаго:

Тѣмъ низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ. (См. объ этомъ выраженіи у Страхова «Замѣтки о Пушк.» 65).

Но въ данномъ случаѣ дѣло касается поверхностнаго наблюденія тѣхъ предметовъ и явленій, которыя художникъ воспроизводитъ, которыя, предполагается, онъ изучилъ прежде, чѣмъ передать ихъ на полотнѣ. Въ небрежности изображенія сказывается небрежность наблюденія, а можетъ быть и неумѣнье наблюдать, отсутствіе самаго навыка въ наблюденіи. Въ этомъ отношеніи иностранные художники (современные, не говоря о древнихъ, проявившихъ напр. глубокое знаніе анатоміи человѣка), гораздо разнообразнѣе: сюжеты ихъ картинъ захватываютъ дѣйствительную жизнь шире и, за нѣкоторыми исключеніями, глубже нашихъ.

Тѣмъ пріятнѣе встрѣтитъ исключеніе и отступленіе отъ общаго стремленія. Такимъ исключеніемъ былъ художникъ Яблочковъ, котораго я встрѣчалъ въ Харьковѣ въ 1877—83 гг. и котораго, вѣроятно, многіе изъ Харьковцевъ знаютъ лучше меня. Помнящіе Яблочкова, навѣрное, узнаютъ его портретъ въ слѣдующемъ, нѣсколько правда идеализованномъ, образѣ художника Гельфрейха, въ рассказѣ покойн. В. Гаршина „Надежда Николаевна“. „Представьте себѣ тощія, кривыя ножки, огромное туловище, задавленное двумя горбами, длинныя худыя руки, высоко вздернутыя плечи, какъ будто выражающія вѣчное сомнѣніе, молодое, блѣдное, слегка опухшее, но миловидное лицо на откинутой назадъ головѣ. Онъ былъ художникъ. Любители очень хорошо знаютъ его картинки, писанныя по большей части на одинъ и тотъ же, слегка измѣненный, сюжетъ. Его герои—кошки; были у него коты спящіе, коты съ птичками, коты, выгибающіе спину; даже пьянаго кота съ веселыми глазами, за бокаломъ вина, изобразилъ однажды Гельфрейхъ. Въ котахъ онъ дошелъ до возможнаго совершенства, но больше ни за что небрался. Если въ картинѣ, кромѣ кошекъ, были еще какіе-нибудь аксессуары: зелень, откуда должны были выглядывать розовый носикъ и золотистые глазки съ узкими зрачками, какая-нибудь драпировка, корзинка, въ которой помѣстилось цѣлое семейство

котятъ съ огромными прозрачными ушами, то онъ обращался ко мнѣ. Своими кошками онъ въ два года добился извѣстности. Ни прежде, ни послѣ (развѣ только на одной картинѣ пок. Гуна) я не видѣлъ такого мастерства въ изображеніи котовъ всевозможныхъ возрастовъ, мастей и положеній. Но, обративъ на нихъ все свое исключительное вниманіе Гельфрейхъ забросилъ все остальное“ (Вс. Гаршинъ. Втор. кн. разсказ. 209—10).

Въ этихъ немногихъ строкахъ Гаршинъ прекрасно очертилъ образъ нашего художника Яблочкова и далъ мѣткую характеристику его картинъ. Дѣйствительно, въ изображеніи кошекъ Яблочковъ достигъ мастерства. Положенія онъ всегда выбиралъ съ большимъ вкусомъ и тактомъ. Чрезвычайно напр. мила его картинка, какъ всегда небольшая по объему, изображающая кошечку, слѣдящую съ напряженнымъ вниманіемъ за порхающимъ надъ нею мотылькомъ; она уже подняла лапку—схватить его; поза, выражающая сладостное ожиданіе, глаза, немного прищуренные, внимательно слѣдящіе за движеніями ожидаемой добычи, превосходны. Хороша на другой картинкѣ кошка съ пойманной птичкой во рту. И здѣсь сердитое выраженіе глазъ и всей фигуры—превосходны. Были у Яблочкова картины съ болѣе сложными сюжетами. Въ нихъ онъ проявилъ мѣткость наблюденія, даръ схватить поэтический моментъ и часто тонкій юморъ. Талантъ Яблочкова не подлежитъ сомнѣнію. Къ сожалѣнію, несчастная страсть, стувившая много русскихъ талантливыхъ людей, помѣшала и Яблочкову развить свой талантъ до надлежащей степени и проявить его въ большихъ и цѣнныхъ произведеніяхъ. Изъ области этюдовъ Яблочковъ не вышелъ.

Копіи съ картинъ Яблочкова можно видѣть въ нѣкоторыхъ нашихъ иллюстрированныхъ журналахъ за 70-е годы. Полезно бы составить каталогъ его картинъ и этюдовъ. Интересно бы знать хотя краткія біографическія черты художника. Средства, которыми располагають харьковскія бібліотеки, не позволили мнѣ сдѣлать этого. Можетъ быть исполнить это кто-либо изъ лучше и ближе меня знавшихъ Яблочкова.

М. Халанскій.